

DOI: 10.25178/nit.2020.4.19

Статья

Одежда замужней женщины тюрко-монгольских народов Внутренней Азии: образы, функции, значение (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)

Марина М. Содномпилова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Безрукавка женщин тюрко-монгольских народов Внутренней Азии (монголов, ойрат, бурят, тувинцев, якутов, хакасов, алтайцев) — предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития кочевой культуры стало обозначение социального статуса женщины в социуме, определение её этнической принадлежности, магическая защита. Отражением функций воинского облачения выступает традиция укреплять и декорировать лиф безрукавки. Впоследствии эту функцию безрукавки сменила функция магической защиты женщины от злых духов и «нехороших» взглядов.

Часть обозначений безрукавки — тюрко-монгольского происхождения. Но есть и заимствования, свидетельствующие о тесных контактах кочевников с тунгусо-маньчжурскими народами. Ключевое понятие, к которому сводятся почти все названия этой верхней одежды, — «шкура» («кожа», «мех»), что подчеркивает первоначальную функцию безрукавки защищать от холода и атмосферных осадков.

У истоков этой одежды, вероятно, были два ее разных вида: длиннополая безрукавка относилась к верхней распахнутой одежде, другая, короткая, была нательной. Функция последней была стягивать и поддерживать женскую грудь. В процессе своего развития

безрукавка была наделена особым символическим содержанием, став маркером нового социального положения женщины в замужестве, отделив ее от незамужних девушек и вдов. Безрукавка стала символом подчинения женщины семье мужа и его роду в целом.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы; Внутренняя Азия; верхняя одежда; традиционная одежда; безрукавка; женская одежда; монголы; ойраты; буряты; тувинцы; якуты; хакасы; алтайцы

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования:

Содномпилова М. М. Одежда замужней женщины тюрко-монгольских народов Внутренней Азии: образы, функции, значение (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai) // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 272-288. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.19

Содномпилова Марина Михайловна — доктор исторических наук, исследователь лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: sodnompilova@yandex.ru

SODNOMPILOVA, Marina Mikhailovna, Doctor of History, Leading Research Associate, Oriental Studies Interdisciplinary Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0741-0494

Married women's clothing in the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia: images, functions, meaning (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)

Marina M. Sodnompilova

Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The waistcoat traditionally worn by women of the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia (such as Mongols, Oirats, Buryats, Tuvans, Yakuts, the Khakass and the Altai) is a multifunctional subject. Over the course of many hundreds of years of the development of nomadic culture, its main purpose was to designate the social status of women in society, indicate their ethnicity, and provide magical protection. The tradition to enhance and decorate the bodice of a waistcoat goes back to its role as part of the military attire. Subsequently, this function of women's sleeveless jacket gave way to its role as magical protection from evil spirits and "bad" looks.

Some of the words describing the waistcoat or its parts are of Turkic and Mongolic origin, but there are also borrowings testifying to the close contacts between the nomads and the Tungus-Manchu peoples. The key concept to which almost all the names of this outerwear come down is that of "skin, leather, fur", which emphasizes the original function of waistcoat jackets - protecting from cold and precipitation.

The origins of this garment might have combined two diverging types of waistcoat jacket: the long-skirted one was of the upper overalls type, while the other was shorter and worn next to the skin. The function of the latter was to keep together and support the female breast. In the course of its historical modification, the waistcoat jacket acquired special symbolic content and thus became a marker of the new social status a woman achieved in marriage, setting her apart from unmarried girls and widows. The waistcoat jacket became a symbol of the subordination of a woman to her husband's family and his kin.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples; Inner Asia; outerwear; traditional clothes; waistcoat; female garments; Mongols; Oirats; Buryats; Tuvans; Yakuts; Khakass; Altai people

Financing

The study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the leading researcher (project "From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews").

For citation:

Sodnompilova M. M. Odezhda zamuzhnei zhenshchiny tiurko-mongol'skikh narodov Vnutrennei Azii: obrazy, funktsii, znachenie (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai) [Married women's clothing in the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia: images, functions, meaning (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 272-288. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.19](https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.19)

Введение

Традиционная одежда является одним из распространенных объектов исследования в отечественной этнографии, антропологии. Исследования ставили своей целью описание одежды, выявление ее особенностей, указывающих на гендерную, возрастную и этническую принадлежность ее владельца. Не являются исключением работы, посвященные традиционной одежде тюрко-монгольских народов, преимущественно женской и в особенности ее наиболее значимого элемента с точки зрения символического значения — безрукавки. Это широко распространенный тип одежды во Внутренней Азии.

Безрукавка традиционно считается женской одеждой, так как является неотъемлемой частью костюма замужней женщины у многих тюрко-монгольских народов — монголов, ойрат, бурят, тувинцев, якутов, хакасов, алтайцев. Существующие исследования анализируют довольно широкую терминологию, связанную с этим типом одежды, декоративное оформление, ритуальные и утилитарные функции безрукавки (Кон, 1936; Чеснов, 1998; Потапов, 1951; Бадмаева, 1987; Бакаева, 2008; Бутанаев, 1996; Гаврильева, 1998). Сложилась и гипотеза относительно ее символического предназначения, выдвинутая Д. С. Дугаровым (Дугаров, 1983) и поддержанная В. Я. Чесновым (Чеснов, 1998). Однако всякая гипотеза подлежит критическому рассмотрению в свете новых накапливающихся фактов,

которые могут дать материал для углубления и расширения исследования или для пересмотра выдвинутых положений. Сегодня гипотеза Д. С. Дугарова видится нам ошибочной. Отсутствует и целостное представление о развитии этого интересного элемента женского костюма кочевников и его географическом распространении.

Таким образом, целью статьи является более глубокое изучение терминов, обозначающих безрукавку, разновидностей этого вида одежды, всего спектра утилитарных и символических функций этого предмета, которое будет способствовать лучшему пониманию развития этого вида одежды и его функций.

В основе исследования лежат структурно-типологический и структурно-семантический методы изучения явлений культуры. Первый дает возможность при недостаточности источников для анализа элементов костюмного комплекса одного народа привлекать данные из родственных или стадийных культур, второй — выявить смысловое содержание утилитарных, социальных, ритуальных и символических функций безрукавки.

Конструктивные особенности одежды и обозначения

В костюмном комплексе кочевников существовало два основных типа безрукавок:

- 1) короткая и моделируемые на ее основе варианты с пришивной юбкой;
- 2) неотрезная цельнокроенная расклешенная.

Безрукавки встречались повсеместно в среде тюрко-монгольских народов, имея разные обозначения. В среде кочевников этот тип одежды носили и девушки, и мужчины, однако наиболее насыщен символикой женский вариант этой одежды. Комплекс терминов, обозначающий этот предмет одежды в костюмном комплексе, позволяет выявить круг определенных представлений о функциональном назначении безрукавки.

Наиболее распространенный термин в монгольских языках — *ууж* (*Большой академический ...*, 2001: 363). Так обозначают женскую безрукавку узэмчины, дариганга, буряты, халха-монголы (*Монгол улсын ...*, 2012с: 194, 242; *Монгол улсын ...*, 2012а: 189). Отсутствие в монгольском языке близких ему по значению слов и производных наводит на мысль о его заимствовании. Существует предположение Ц. Б. Будаева о его маньчжурском происхождении (*Дамбуева*, 2013: 76). Однако в большей степени вероятно его заимствование из тюркского. Ему близок калмыцкий термин *йіц*, обозначающий шубу, который в свою очередь сопоставим с тюркскими *йіц* и *йіц* ('шуба, крытая материей', 'верхняя меховая одежда', 'безрукавка', 'жилет', 'короткая шуба женщины', 'зимний жакет') (*Сравнительно-историческая ...*, 1997: 475). В свою очередь, значение «шуба» в *йіц* и *имек* может быть вторичным, сформировавшимся на основе переноса части («меховая подкладка») на целое («верхняя одежда, подбитая мехом») (*Севортян*, 1974: 394). Древнейшими значениями *йіц* можно считать понятия «внутренность», «подкладка». Анализ тюркских языков допускает связь тюркского *йіц* с маньчжурским *ичу* 'мех' (на шубу), 'шуба' (там же: 389). В целом, происхождение этого термина требует специальных лингвистических исследований.

У бурятских женщин бытовали длиннополые безрукавки, называемые *морин уужа*. Это сочетание короткой безрукавки с таким элементом одежды, как *хормойкши* (наподники), которые представляли два куска ровдуги, собранные на поясе, спереди и сзади закрывавшие подол (*Бадмаева*, 1987: 66). Такую же безрукавку носили и монгольские женщины (халха, сартулы, дариганга, узэмчины) (*Вяткина*, 1960: 189; *Очирова*, 1986: 162). У агинских бурят короткие безрукавки назывались *оодон уужа*, а длиннополые — *ута уужа* или *хормойтой уужа* (*Линховоин*, 2012: 203).

Другой ряд терминов, обозначающих безрукавку, — *цегедек* (ойраты: калмыки, баяты, дэрбэты, захчины) (*Бакаева*, 2008; *Монгол улсын ...*, 2012b: 87, 454), *сигедек*, *чегедек* (хакасы, алтайцы, теленгиты) (*Тюркские народы ...*, 2006: 519), *шегедек* (тувинцы) (*Сат-Бриль*, 1988: 49; *Баярсайхан*, 2002: 182; *Ховалыг*, 2018: 37), *сээжэбишэ* (буряты), *сээжмэгч* (торгуты) (*Монгол улсын ...*, 2012b: 206). Слова происходят от монгольского *цээж*, *сээжэ* 'грудь' (*Бурятско-русский ...*, 1973: 405; *Большой академический ...*, 2002: 295). Несколько упоминаний *сегедек* в значении «безрукавка» отмечается в источнике монгольского права «Их цааз» XVII в. (*Дыльков*, 1981: 44). Статья документа, посвященная приданому невесты, в которой *цегедек* присутствует как обязательный компонент приданого, указывает, что эта одежда была распространена у монголов задолго до закрепления своего статуса в правовом документе.

Название *цегедек* указывает на одну из первоначальных утилитарных функций безрукавки: Р. Д. Бадмаева полагает, что короткая безрукавка, надеваемая девушками и молодыми женщинами, возможно, была необходима как лиф для стягивания груди и была обязательной принадлежностью женской одежды у кочевых народов. Короткая безрукавка из тонкой кожи относилась к нательному типу одежды. В старинных образцах бурятской длиннополой безрукавки лиф все еще изготавливали из замши, подол — из тонкого сукна (Николаева, Дагданова, 2006: 188). Свидетельством того, что безрукавка у хакасов в прошлом шилась из кожи, выступает название конструктивного элемента хакасского *сигедека* — *чаба*. Это каркас, который делали из четырех слоев ткани, склеенных клейстером, благодаря чему он хорошо сохранял свою форму. Первоначально *чаба* изготавливалась из тонкой кожи. Такой факт подтверждается данными хакасских диалектов, где термин *чаба* (*чама*) сохранился в значении «кожа, шкура» (Бутанаев, 1996: 77).

Очевидно, что данный вид одежды присутствовал в костюмном комплексе многих кочевых народов, включая киргизов и казахов, однако со временем вышел из употребления. В конце XIX–XX в. исследователями фиксируется появление в мужской и женской одежде населения Центральной Азии камзола как новшества, заимствованного из одежды европейских народов (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016: 176; Лобачева, 2001: 77), хотя в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина представлена целая группа терминов, обозначающих короткую безрукавку у киргизов, — *көкюрекче*, *күрмө*, *чермай*, *чыптама* и др. (Юдахин, 1965a: 419, 470; Юдахин, 1965b: 359, 391). Полагаем, что определенную связь с *цегедек*, *чегедек* имеет название распашной рубахи киргизов, казахов, узбеков-кипчак *жегде* (*жейде*, *желге*, *чегде*), древность которой подтверждается сходным названием мужского савана у казахов и киргизов. Такое же название имеют и женские халаты у каракалпаков и узбеков Кашкадарьи (Лобачева, 2006: 63). С. М. Абрамзон обращает особое внимание на сведения Ч. Валиханова о бытовании в прошлом киргизов корсетов, которые носили девушки, называемых *кокузбек*. Термин относится к древнетюркскому и происходит от слова *кокуз* в значении «грудь» (Абрамзон, 1971: 137). Очевидно, что он близок монгольскому *хухэн* в значении «грудь, молочная железа». Киргизское название безрукавки *кокюрекче* созвучно бурятскому *хухэорегшо* (Бадмаева, 1987: 66), т. е. «заворачивающая грудь», что указывает на основную функцию данного вида одежды.

Дэглээ (*дэгэлээ*, *дэгэлэй дабхаса*) — это локальные названия длиннополой безрукавки, распространенной у бурят-эхиритов в Предбайкалье (в Качутском, Ольхонском, Эхирит-Булагатском районах), а также в Забайкалье у баргузинских, закаменских бурят. П. П. Дамбуева относит данный термин к числу прамонгольских, унаследованных от древнейшего состояния языка, с которыми связаны общие названия предметов (Дамбуева, 2013: 77). Закаменские буряты называли *хормой дэглээ* длиннополоую безрукавку, которая считалась праздничной в отличие от короткой безрукавки, называемой *эсэгин уужа*. Именно в *эсэгин уужа* всегда должна находиться невестка в присутствии свекра (Галданова, 1992: 129). Более широко термин *дэглээ* употребляется в монгольских языках по отношению к верхней одежде. Известны следующие варианты данного термина: *дээл* (монг.) (Большой академический ... , 2001: 117), *дэгэл* (бур.) (Бурятско-русский ... , 1973: 215), *дэвл* (калм.) (Бакаева, 2008: 73). Термин *дэгэлээ*, по мнению Р. Д. Бадмаевой, имеет эвенкийские параллели: в старину эвенки носили зимнюю шубу из птичьих шкур, которая называлась *дэкэлик*. Термин в эвенкийско-русском словаре объясняется как производное от *дэкэли* 'утка' (Бадмаева, 1987: 46).

Одежда из птичьих шкур была известна и тюркам. Так, упоминания об использовании птичьих шкур для пошива верхней одежды сохранились в тувинском фольклоре, о чем упоминает Е. Д. Прокофьева, указывая на переводы сказок Л. В. Гребнева (Прокофьева, 2011: 315). С. И. Вайнштейн, фиксируя головные уборы, сшитые из утиных шкур у тувинцев-оленеводов, полагает, что в древности одежда из птичьих шкур была широко распространена у «лесных» племен Саян (Вайнштейн, 1961: 115). Речь, вероятно, идет об особой зимней одежде *чагы*¹ (там же: 113; Вайнштейн, 1991: 165). Варианты этого слова в других тюркских и монгольском языке — *jaγqi*, *daqi*, *žaqi* (Сравнительно-историческая ... , 2006: 481). Слово происходит от др.-уйг. *jaγ* 'идти, падать' (о любых атмосферных осадках) (там же: 361). Широкая распашная одежда чуть ниже колена с разрезом сзади была наиболее удобна для всадника при дальних поездках. Эта разновидность дорожной одежды у тувинцев, но уже сшитая из меха, практически исчезла в начале XX в. (Прокофьева, 2011: 316). Память о бытовании в прошлом

¹ Примечательно, что в дореволюционной этнографической литературе, как пишет И. Е. Тугутов, бурятская женская безрукавка *уужа* фиксируется совсем под другим названием — *шугай* (Тугутов, 1958: 121). Это название, безусловно, имеет общее происхождение с тувинским *чагы*.

уникальной одежды из птичьих перьев сохранилась в среде киргизов (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016: 169). По-видимому, главной функцией одежды из птичьих шкурок или перьев была защита от дождя и снега, а не сохранение тепла.

Хубайхи / хубайси — неотрезная цельнокроенная безрукавка, расклешенная с разрезом впереди, использовавшаяся в костюмном комплексе предбайкальских бурят (хонгодоров, булагатов). С. П. Балдаев склонен считать, что этот вид одежды появился у них в середине XIX в. (Балдаев, 1959: 56). Любопытную интерпретацию слова *хубайси* дал в свое время Д. С. Дугаров. По его мнению, последний слог *си* (*хи*) в слове *хубайси* является суффиксом принадлежности. Отбросив его, мы получаем слово *хубай* (як. *хубай* — ‘лебедь’); таким образом, якутское *Хубай хатун* и бурятское *Хобоши хатун* означает одно и то же: «лебедь-царица» или «лебедь-женщина», которое, как мы выяснили, является тотемным именем девы-оборотня лебеда. А вместе с суффиксом *си* (*хи*) слово *хубайси* означает лебяжье (оперение или одежда). Это та самая одежда, которую похитил легендарный предок хоринцев Хоридой мэргэн и тем самым заставил деву выйти за него замуж. Однако Д. С. Дугаров ориентируется только на якутскую версию обозначения лебеда (Дугаров, 1983: 108), не учитывая, что он не связан с общетюркским *qıyı* ‘лебедь’ (Древнетюркский словарь, 1969: 464), что делает его интерпретацию сомнительной. Наиболее близким бурятскому термину *хубайхи / qıbayıki / xıbaıxi* является монгольский термин *xıba degel* ‘ меховая одежда без покрытия’ (Lessing, 1960: 976; Этимологический словарь..., 2018: 62). В основе *xıba* и *xıbaıxi*, по-видимому, лежит глагол **xub-/*xuba* ‘одевать, покрывать’, сравн. *qıbča* — калм. ‘одежда’, *qıbčar* — зап. бур. ‘ковер, коврик (из обрезков голенной части лошадиной шкуры)’. В случае с *qıbayki / xıbaıxi* производной от глагола является основа *qıbayı / xıbai* и архаичный монгольский генитив -**ki* (Роппе, 1955: 187).

Более редкий термин, обозначающий короткую безрукавку, — *хантааз, хантууза, кантазы* — стал фиксироваться в качестве мужской одежды среди халха-монголов, тувинцев и даже бурят Забайкалья в конце XIX — начале XX в. Согласно П. П. Дамбуевой, это слово — заимствование из китайского языка в значении «меховой жилет» (Дамбуева, 2013: 75). Китайской ее называли и закаменские буряты (Галданова, 1992: 130). Существуют мнения, что безрукавки под названием *курмэ* и *кантазы* появились в одежде знатных монголов и тувинцев в эпоху маньчжурского владычества как обязательная одежда чиновников (Прокофьева, 2011: 317; Кон, 1936: 114). Очевидно, что влияние маньчжурской формы чиновников ввело в моду короткие безрукавки в состав мужского костюма у закаменных, агинских бурят. Л. Линховоин отмечает, что в среде агинских бурят в начале XX в. молодые люди из зажиточных семей завели «моду» на безрукавки, плотно облегающие тело, которые назывались *хантууза*: «Носили их зимой тоже поверх дыгылов» (Линховоин, 2012: 204).

Вместе с тем, Л. П. Потапову удалось выявить, что в богатых тувинских семьях молодая невестка все же надевала особую женскую одежду, называемую *кандазы* (Потапов, 1969: 243). Вероятно, это отголосок былых традиций, которые были утрачены в тувинском обществе. О больших изменениях в одежде сойотов (тувинцев) писал Ф. Кон, отмечая, что всего лет за 40–50 до его экспедиции женская шуба имела сходство с качинской, но уже в начале XX в. ее полностью сменила одежда монголо-бурятского покроя (Кон, 1936: 112). Очевидно, что в тувинском обществе безрукавка становится частью костюма только зажиточной части населения и уходит из быта бедного большинства, как и многие другие элементы самой дорогой свадебной одежды — *баштангы, чавага*.

В комплексе разных видов верхней женской одежды тюрко-монголов без рукавов необходимо отметить якутскую нарядную свадебную шубу *тангалай*, которая была неотъемлемой частью костюма невесты и молодой женщины. Фасон *тангалай* обнаруживает сходство с безрукавками алтайцев, хакасов, бурят и особенно с бурятской безрукавкой *дэгэлэй* (Гаврильева, 1998: 43). Конструктивной особенностью этой верхней одежды являются короткие рукава. *Тангалай* входил как основной предмет в приданое невесты. Богатая невеста шила несколько *тангалаев*, принося их в подарок духам местности по пути следования свадебного поезда.

Декоративное оформление безрукавки

Женская безрукавка является наиболее этно-дифференцирующим элементом женского костюма, детали которой имеют ярко выраженное символическое значение. Это наиболее нарядная часть женского костюмного комплекса, которая украшалась вышивкой, позументом, крученными цветными шнурами, аппликациями, бахромой, кисточками. Нарядные безрукавки шили обычно из самой дорогой ткани — шелка, плиса, парчи, ровдуги (Бакаева, 2008: 92; Бутанаев, 1996: 77). Узэмчины, барга осо-

бенно ценили китайские орнаментированные ткани с позитивной символикой — *пууээн хээ*, *алт хээ* (Монгол улсын ... , 2012с: 194). Якуты оторачивали полы, борта, рукава, воротник дорожными мехами, украшали серебром и бисером (Гаврильева, 1998: 43–45).

Своим декоративным оформлением особо выделяются бурятские безрукавки. Одним из первых сведений о декоративном оформлении безрукавки были заметки Георги, описавшего в XVIII в. бурятскую безрукавку: «В других же поколениях вошло в употребление носить сверх кафтанов маленькие душегрейки, коих спинки испрещены змеиными головками, бисером, шнурками и брякушками» (цит. по: Бадмаева, 1987: 17)).

В XIX — начале XX в. были зафиксированы безрукавки *дэгэлээ* верхоленских бурят, декоративное оформление которых заметно отличается от обычных приемов декорирования одежды. Места соединения верха и низа безрукавки, пройму, спинку, вырез ворота, вырез на груди окаймляли полосками сукна и кожи с металлическими литыми пластинами из олова, латуни и нашитыми монетами в окладе. В оформлении *дэгэлээ* применяли кожаные полоски с металлическими нашивками, которые располагались также на бортах и плечиках. В нагрудной части безрукавки закрепляли пластины стреловидной формы. По бортам безрукавки — горизонтально расположенные пластины. Прямоугольники из латуни предбайкальские буряты называли польским серебром, и нашивались они на безрукавки более бедной части населения (Тугутов, 1958: 121). Линия талии выделялась металлическими подвесками *оноо*¹, состоящими из прямоугольных фигурных пластин, к которым в свою очередь подвешивались круглые или фигурные пластины, закреплялись они на кожаной основе (Бадмаева, 1987: 66, 97). Украшением *дэгэлээ* также служили полоски сукна или бархата с нашитыми на них перламутровыми пуговицами *эрзин тобишо*, которыми декорировали лиф и подол нарядных безрукавок, сшитых из ткани. Такая форма декоративного оформления представляется наиболее архаичной и, на наш взгляд, указывает на защитные функции металлических пластин, что свидетельствует о подобии безрукавки воинскому облачению. Металл в несъемных украшениях верхней плечевой одежды встречается у многих народов Сибири. Со временем металлические подвески вышли из употребления. Причины, по которым металл постепенно вышел из употребления, были разными: в частности, это запрет на производство металлических изделий и их продажу коренному населению в процессе освоения русскими Сибири (Федорова, 2005: 166).

Более поздними вариантами декоративного оформления безрукавок представляется традиция использовать вместо металлических пластин монеты разного достоинства *хадалга*, перламутровые пуговицы *эржэн*, *эрзин*. Монеты оправлялись в золото или серебро; они могли перемежаться с коралловыми бусами. Пришивались на расстоянии, равном диаметру самой монеты, а чаще — впритык друг к другу. Для закрепления монет на изделии в них делали дырки или же пришивали целые монеты крест-накрест, закрепляя нитками (Николаева, Дагданова, 2006: 190).

Якутский *тангалай* шили из ровдуги, расшивали бисером, украшали драгоценными мехами. Шитье *тангалай* занимало много времени, но без него невеста не могла показываться свекру и старшим родственникам мужа. Поэтому свадьба иногда откладывалась, если *тангалай* не был готов. *Тангалай* сплошь расшивался бисером рисунками под «ёлочку» (Захарова, 2004: 168, 169), а ранее сам крой *тангалай сон* представлял собой композицию из продолговатых меховых пластин, сшиваемых «ёлочкой» (Васильев, 1995: 108). Однако этот рисунок у кочевников ассоциировался отнюдь не с деревом, а с нёбом: словом *тангалай* в бурятском языке обозначается нёбо (Бурятско-русский ... , 1973: 413), в монгольском языке нёбо называлось *тагнай* (Большой академический ... , 2001: 176). В декоративном искусстве монголов существовал орнамент *тагнай*, напоминающий рисунок ёлочной ветви. У якутов подобный орнамент именовался *тангалай ойуу*. Известен был такой орнамент узбекам, казахам, киргизам. В тюрко-монгольской традиции хорошо известна такая мудрость — если девочки / девушки будут грызть нёбо скота, то они будут хорошими мастерицами (там же: 176; Бутанаев, 2003: 62). Якутский *тангалай* также свидетельствует в пользу нашего предположения о принадлежности безрукавки воинскому облачению. Ф. Ф. Васильев склонен видеть в якутской свадебной шубе *тангалай сон* производную форму якутского воинского облачения *тангалай куйах* — пластинчатого ламинарного доспеха. Панцири этого типа были распространены у монгольских народов, но позднее их сменили более эффективные

¹ Первоначальное значение термина *оноо* — разрезы в нижней части безрукавки, которые делались с боков и сзади. Разрезы доходили иногда до пояса. Термин распространен в монгольских языках и был известен якутам, которые так же называли разрезы на одежде, а впоследствии — клиновидные вставки, складки, заменившие разрезы (Петрова, 2006: 56).

ламеллярные доспехи. Известны они были и другим народам Центральной Азии, Восточной Сибири и Дальнего Востока, надолго задержавшись у японцев (Васильев, 1995: 108).

Таким образом, данные о традициях декоративного оформления этого типа одежды вскрывают еще одно очень важное предназначение безрукавки — выступать в качестве элемента воинского облачения. Впоследствии украшения одежды, в том числе и орнаментальные мотивы, как считает Н. В. Кочешков, стали носить магический характер: они были призваны защищать женщину от нападения злых духов (Кочешков, 1997: 43). В кочевой культуре идея физической защиты тела, особенно спины как наиболее уязвимой части тела, проявляется в традициях декорирования спинки одежды невесты и маленьких членов социума. У монголов дети носят на одежде и поясе амулеты-обереги. К числу их относятся бубенчики, пришиваемые на плечи и спинку одежды, красные и желтые бусы, монеты (Вяткина, 1960: 195). Якуты вешали на спину свадебной шубы невесты украшение *дъайаа*, вышивали особые защитные узоры — изображение орла, ствол мирового древа (Петрова, 2006: 20). Обереги были наиболее характерной чертой детской одежды у киргизов, туркмен (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016: 188; Фиельструп, 2002: 86).

Социальные функции безрукавки

Безрукавка костюмного комплекса населения исследуемого региона — предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития кочевой культуры, помимо функции маркера этнической принадлежности, стало обозначение социального статуса женщины в социуме. Нарядная безрукавка стала основным элементом костюма замужней женщины. В народе считалось, что женщина не должна была показывать высокому Небу волосы, а широкой Земле — спину: «ундэр тэнгэридэ ороё харуулхагуй, улэгхи дэлхэйдэ араа хараалхагуй» (Хангалов, 1958: 263). Поэтому голова женщины всегда была покрыта шапочкой, а спина — безрукавкой¹. Монголы, говоря о замужней женщине, иной раз просто подчеркивали наличие у нее безрукавки — *уужтай* ‘в безрукавке’, т. е. «замужняя». Подобного рода гендерные или социальные определения в целом характерны для монгольского языка. Например, о представительницах женского пола вообще могли сказать *бүсгүй* — ‘беспоясая’, т. е. женщина, так как в монгольской культуре пояс носили только мужчины.

У разных этнических групп тюрко-монгольских народов облачение девушки в безрукавку означает обретение ею статуса замужней женщины. Этнографические материалы XIX — середины XX в. показывают, что эта деталь одежды входила в состав приданого невесты у большинства исследуемых народов. Известны и более ранние сведения, указывающие, что безрукавка входила в состав приданого монгольской невесты вместе с другой одеждой. В памятнике монгольского права 1640 г. «Великое уложение» в статье № 52 говорится, что приданное невесты зажиточного сословия должно состоять «из десяти /штук/ одежды (платьев) сшитых, двадцати отрезков несшитых, седла, узды, шубы, безрукавки...»; простых людей — «коня, верблюда, шубы, безрукавки, седла и узды» (Дылыков, 1981: 18, 19).

Отличные от них свадебные традиции фиксируются у урянха Монголии и уратов Внутренней Монголии КНР. У уратов Внутренней Монголии невеста в доме отца жениха после завершения обряда поклонения бурханам, огню очага, родителям и родственникам жениха получает в дар от его родителей обязательный элемент костюмного комплекса замужней женщины — безрукавку *уужинхай* или ткань (Наранбат, 1992: 65). В традиции монгольских урянха было принято, чтобы женский костюм невесты шила мать жениха. С. Бадамхатан пишет, что у урянхайцев в период подготовки к свадьбе мать жениха привозит с собой материал для шитья халатов, который и кроит вместе с матерью невесты. После этого она сама шьет женский халат для невесты (Бадамхатан, 2004: 193). Полагаем, что этот обычай является отголоском когда-то существовавшей повсеместно в тюрко-монгольском мире традиции, согласно которой сторона жениха наделяла девушку полным костюмом замужней женщины. Он был наделен характерными этническими чертами рода жениха и выступал его маркером.

У некоторых монгольских народов рудименты этой древней традиции сохранились в отношении украшений, предназначенных для невесты. В традиции калмыков комплект украшений, состоящий из крупных серег и токугов, должен был в качестве свадебного подарка преподнести невесте ее же-

¹ М. Н. Хангалов, описывая наряд замужней женщины предбайкальских бурят, отмечает, что «она никогда не снимает своей шапки и на нее всегда должен быть надет капор, по-бурятски *хамжул*, который одевается поверх шубы. Этот *хамжул* покрывает только спину» (Хангалов, 1958: 263).

них (Бакаева, 2008: 128). У сартулов мать жениха в обряде укладывания женской прически дарила новобрачной накосные украшения (Очирова, 1986: 173). Буряты Монголии изготавливали женские украшения для невесты из материалов, которые предоставляли родители жениха (Вяткина, 1960: 223). Кроме того, формируя невесте прическу замужней женщины, использовали предметы, принадлежащие членам семьи жениха: волосы невесты сартулы расчесывали гребнем, принадлежащим матери жениха (Очирова, 1986: 116). Ураты в аналогичном обряде касались головы невесты ножом жениха или его отца (Наранбат, 1992: 66). Полагаем, что когда-то в прошлом вся одежда и украшения, предназначенные невесте, должны были готовиться в роду ее будущего мужа.

Выходя замуж, женщина становилась частью нового для нее рода и должна была отныне носить одежду и украшения рода мужа. При этом она лишалась предметов-символов, маркирующих ее принадлежность к роду отца. Об этом свидетельствует сохранившийся у сартулов элемент свадебной обрядности, который утрачен у других монгольских народов: украшения, снятые с девичьих волос, отдавали матери невесты (Очирова, 1986: 159–176). В самом выразительном варианте идея принадлежности девичьих украшений роду ее отца присутствует у тюрков Южной Сибири: у теленгитов части украшений девичьей прически (бусины, раковины) раздавались присутствующим на свадьбе. У хакасов невеста дарила бусины девушкам, расплетавшим ей косы (Михайлова, 2005: 98).

Выйдя замуж, женщина уже не снимала безрукавку. Особенно недопустимым считалось находиться без полного женского одевания среди мужчин-родственников мужа. Только находясь в своем доме, она могла ходить без безрукавки и головного убора, освобождаясь от строгого контроля со стороны родственников мужа. На этот счет известна интересная монгольская поговорка — *уужуй авгайн дотор уужуу* 'у женщины, снявшей безрукавку, и на душе свободно' (Большой академический ..., 2001: 364), которая вполне объективно отражает реальность нелегкого положения женщины в монгольском обществе. Алтайским женщинам тяжелый *чегедек*, состоящий из нескольких слоев склеенной ткани, мешал свободно двигаться и работать (Тошаква, 1958: 123).

У некоторых тюркских и монгольских народов соблюдается строгий запрет показываться без полного одевания замужней женщины и при встрече с почитаемой в роду мужа птицей. Особенно ярко эта традиция проявляется у бурят и якутов. Так, женщины-бурятки из племени хори почитали лебедей, увидев их пролетающими над домом, облачались в безрукавку и надевали головной убор. Женщины-якутки при встрече с почитаемой птицей надевали *тангалай сон* — узорную нарядную безрукавку из ровдуги (Попов, 1949: 281). Подобным образом женщины-невестки Намского улуса, Эльгетского наслега почитали лебедя, невестки хоринских родов почитали ворона, эгинцы почитали ястреба (Захарова, 2004: 232, 175).

Как главный маркер социального статуса замужней женщины безрукавка не соответствовала положению вдовы у некоторых тюркских народов. Так, у хакасов и алтайцев вдова не носила безрукавку (Бутанаев, 1996: 85), облачаясь в особую вдовью одежду *чуба* (Потапов, 1951: 27). Если вдова у южных алтайцев, близких этнических родственников тувинцев, выходила замуж, то она вновь одевала *чегедек*, а если умирала вдовой, то ее хоронили в *чегедеке*, так как, по верованиям шаманистов-алтайцев, она должна была в загробной жизни снова соединиться с мужем и поэтому ей полагалось быть в *чегедеке* (там же: 29). Такие же взгляды разделяли и теленгиты (Тюркские народы ..., 2006: 519). Якуты, согласно материалам археологических изысканий, хоронили женщин в полном облачении, одевая покойницу в лучшие одежды — *таналай* и несколько шуб (Бравина, 1996: 62). Очевидно, что подобные традиции были и у монголов в добуддийский период: хоронить умерших было принято в том, что они носили.

Длиннополую безрукавку, обозначаемую как *уужа*, *чегедек*, *чегедек*, запрещалось носить и девушкам. Этого элемента одежды не было в девичьей одежде тюрко-монголов исследуемого региона.

В монгольской культуре безрукавка настолько прочно слилась с образом замужней женщины, что какие-либо ассоциации с ней мужчины считались позором. По сведениям Н. Витсена, буряты и монголы никогда не надевают одежду, головной убор и обувь женщины. Если мужчина все же сделает это, «то он весьма обесчестит себя. Тогда повсюду его презирают и он не смеет являться к честным людям. Каждый избегает его общества» (Хамарханов, 1988: 158). Эти взгляды нашли отражение в правовой культуре средневековых монголов. В известном монгольском правовом памятнике «Их цааз» (Великое уложение) статья № 14 гласит: «Вообще, если человек (воин) сбежит с поля боя — надеть ему женскую безрукавку» (Дылыков, 1981: 15). Суровые последствия этого публичного наказания нам уже известны.

Противоположное наказание применяли по отношению к женщине, которая отказала в ночлеге государственному посланцу. Статья № 37 «Великого уложения» гласит, что у провинившейся женщины

следовало взять безрукавку, «но если она будет ссылаться на какие-нибудь причины /для отказа/, то привести ее к присяге (шихага)» (там же: 17). При этом в статье подчеркивается, что наказание применялось по отношению к бездетной женщине.

Таким образом, в социальном аспекте облачение в женскую одежду означало лишение женщины ее свободы и полное подчинение семье ее мужа¹, выражающееся даже в ограничении ее движений. Эта идея хорошо просматривается на примере женской одежды тюрко-монголов. Так, сложно признать рациональным и удобным громоздкий традиционный головной убор казахских и киргизских женщин, который они должны были регулярно стирать для сохранения его белизны, что весьма непросто в условиях кочевого быта. Названия головных уборов бурятских женщин, которые они должны были носить в замужестве, — *даруулга* (от *дараха* — ‘давить’), *татурга* (от *татаха* — ‘стягивать’) — также содержат идею сдерживания и ограничения физической свободы женщины. О намерении ограничить женщину в движении свидетельствует и хакасская свадебная шуба. Ее конструктивные особенности отличаются избыточностью и не соответствуют понятиям «практичный» и «удобный». Свадебная хакасская шуба *идегтик-тон* по подолу на уровне колен прошивалась жильными нитками, формируя перехваты (путы) из мелких сборок, которые стягивали подол и мешали ходить (Бутанаев, 1999: 155).

Символика одежды

Безрукавка, несмотря на наличие повседневных и праздничных форм, безусловно, является обрядовой одеждой. Как и любой предмет, сформировавшийся в традиционной культуре, безрукавка помимо утилитарной функции, обладает глубоким символическим содержанием.

В костюмном комплексе кочевников женская безрукавка является одним из самых многозначных и насыщенных символическими элементами. В культуре тюрко-монгольских народов с этим типом одежды связывается идея утраты девушкой свободы. Связь женщины и особенно девушки с птицей — довольно распространенный мотив в архаичной культуре. Эта связь широко представлена и в фольклоре тюрко-монгольских народов: сюжеты преданий, сказок, эпосов изобилуют образами женщин и девушек-птиц. Это, прежде всего, прародительницы многих родов и племен — девушки-лебеди, девушки-стерхи, девушки-кукушки. В бурятских преданиях встречаются сюжеты о превращении девушки-сироты, обижаемой мачехой, женой брата в птицу; связь с птицей обнаруживают образы бурятских лесных духов *муу-шубуун* (Хангалов, 1960: 37–39). В представлениях якутов женщина могла избавиться от внебрачной беременности, искупавшись в проруби, — так поступает девочка из якутского предания и превращается в кулика. Коршун также прежде был девушкой, который потерял человеческий облик из-за проклятия (Алексеев, 2004: 233, 242). Птицей в колпачке иносказательно называли невесту хакасы (Бутанаев, 1999: 155). Сюжеты бурятских эпосов и преданий свидетельствуют, что обретение девушками птичьего облика было вполне обычным делом. В бурятском эпосе «Алтан шагай хубуун» дочь земного хана, суженая главного героя, решив, что жених ее не достоин, надевает птичью одежду и улетает на небо (Бурчина, 2007: 210).

Известные сюжеты о неземных прародителях содержат не только идею о божественном происхождении некоторых племен. Отчасти они, вероятно, отражают факты иноэтничной принадлежности девушек-птиц, девушек-оленей. Наиболее наглядно эта мысль проявляется в образе девушек-перелетных птиц. Перелетные птицы особо почитались жителями северных земель. Птицы возвращались с жаркого юга, из тех мест, о которых долгое время сохранялись далекие от реальности представления.

¹ Идея подчинения невестки членам семьи мужа проявляется также и в некоторых свадебных обычаях, выявленных Н. В. Лобачевой у большой группы тюркских народов, унаследовавших традиции кипчакской культуры (казахов, киргизов, части узбеков): это набрасывание хомута на невесту перед отъездом в дом жениха (Лобачева, 2006: 48). Примечательно, что сходные элементы фиксируются в свадебной обрядности монгольских народов. Наиболее часто принадлежности конского снаряжения фиксируются у предбайкальских бурят. В одном случае невеста, кланяясь, бросает свекрови ошейник коня — «это означает, что невеста теперь будет привязана к своему хозяйству и мужу как ошейником» (Хангалов, 1959: 102), в других случаях невеста, делая подношение *хаялга* свекру и другим его родственникам, дарит им узду. Узда в данном случае, как разъясняет М. Н. Хангалов, означает полное послушание невестки как обузданного коня (там же: 87). В свадебной обрядности уратов Внутренней Монголии невесте в процессе формирования женской прически надевают на голову недоуздок и сразу снимают. «Значение этого обряда заключается в символическом усмирении невесты» (Наранбат, 1992: 66).

Как справедливо считает В. Я. Чеснов, тело девушки в традиционном мировоззрении отличается незрелостью и нестабильностью и легко поддается трансформации, превращаясь в лебедя, лягушку, змею (Чеснов, 1998: 220). С чем связана подобная нестабильность? На наш взгляд, статус девушки в традиционных обществах тюрков и монголов был двойным: с одной стороны, она принадлежала роду своего отца, с другой стороны, она относилась к древнему материнскому роду, представляющего природу в лице животных тотемов и не только (в якутских преданиях девушки-девственницы превращаются в деревья, оружие, становятся невидимыми). На преобразование ее статуса, связанного не только с ее переходом из одной группы в другую, но и ее переводом из природного состояния в мир людей, и были направлены действия семьи жениха на протяжении всего процесса свадебного цикла. В комплекс этих действий входили подарки жениха невесте, включая основные — одежду и украшения замужней женщины, имянаречение (невестке могли дать новое имя). Кроме того, по мнению В. Я. Чеснова, дары жениха в свадебном обряде «завершают» физическое формирование невесты как полноценной женщины (там же). В то же время эти преобразования подразумевают и лишение девушки ее прежнего образа. Какими они могли быть?

Генеалогические предания многих тюркских и монгольских народов содержат сюжеты о прародительницах родов и племен из числа птиц, животных, пресмыкающихся, земноводных. Основной идеей этих преданий выступает запрет мужу неземной женщины наблюдать за ней, когда она этого не знает. Однако муж всегда нарушает запрет.

В хакасском предании в доме одного мужчины вдруг появляется красивая девушка и активно принимается за работу по хозяйству. «Мужчина сразу же поспешил войти в дом. Красавица не ожидала его увидеть и с укором ему сказала: „Ты пришел в тот момент, когда я еще не успела до конца заплести свои волосы. Поэтому нам не суждено прожить вместе всю жизнь“» (Бурнаков В., Бурнаков А., 2019: 119). Впоследствии она покидает его, прожив с ним несколько лет и родив двух детей. В киргизском предании о рогатой матери девушка-олень просит своего мужа всегда предупреждать ее о своем приходе покашливанием. Нарушив ее запрет, он видит в своем жилище резвящуюся самку оленя и лишается жены (Абрамзон, 1971: 283). Супруга-лебедь Баба-Тукласа, героя сказания «Едигей», запрещает своему мужу смотреть, как она расчесывается, смотреть на ее ноги, когда она разувается (Абрамзон, 1977). Известно, что этикет кочевников строго запрещал женщине демонстрировать мужчинам распущенные волосы, обнаженные ноги, руки и спину — далеко не самые сексуальные части тела. Соблюдая эти запреты, замужняя женщина старалась не показывать спину свекру и, даже выходя из юрты, шла до дверей, пятясь назад (Тоццакова, 1958: 139). Напрашивается вывод, что табу смотреть на эти части женского тела обоснованы другими причинами — очевидно, религиозно-мифологическими. Полагая, что запрет, выдвигаемый неземной женой, связан с нежеланием показывать те части тела, которые указывают на ее нечеловеческую природу. Скрывать запретные части тела женщины от посторонних глаз, в том числе и от глаз мужа, и были призваны некоторые детали одежды. Головной убор должен был скрывать рожки, обувь — лапки, специальные приспособления (чехлы) — волосы.

Учитывая, что замужней женщине вменялось прикрывать спину, полагаем, что в религиозно-мифологическом контексте подразумевалось, что безрукавка должна была скрывать крылья женщины. Облечение в безрукавку замужней женщины в символическом аспекте соответствовало лишению девушки-птицы ее крыльев, либо их сокрытие. Вероятно, что с крыльями ассоциировались лопатки девушки. В этой связи уместно уточнение в одной из версий выражения, запрещающего замужней женщине показывать спину: «Лопатку земле нельзя показывать, макушку небу нельзя показывать» (Манжигеев, 1960: 159). Данная идея подтверждается исследованиями якутской одежды. Как считает Р. С. Гаврильева, замужняя женщина теряла свою вольную жизнь, и свидетельством этого в костюмном комплексе якутской женщины выступали короткие рукава мехового кафтана *таналай*, которые олицетворяли обрезанные крылья птицы (Гаврильева, 1998: 66).

В контексте этой идеи интерпретация термина *хубайси*, выдвинутая Д. С. Дугаровым, очевидно, неверна (Дугаров, 1983: 111). Его предположение, что безрукавка была той самой одеждой небесной девы, которую украл Хоридой и тем самым лишил ее возможности летать, противоречит статусу безрукавки как детали костюма замужней женщины. По сюжету предания, только получив свои девичьи одежды и освободившись от безрукавки, жена Хоридоя смогла улететь на небо. Напомним, что девушкам, а в некоторых традициях и вдовам (у хакасов), запрещалось носить безрукавку (Бутанаев, 1996: 77).

Заключение

Безрукавка женщин тюрко-монгольских народов Внутренней Азии — предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития кочевой культуры стало обозначение социального статуса женщины в социуме, определение её этнической принадлежности, магическая защита. Отражением функций воинского облачения выступает традиция укреплять и декорировать лиф безрукавки. Даже с распространением тканей лиф продолжали шить из ровдуги, замши и только сверху покрывали тканью, шили из склеенной в несколько рядов ткани, плотно простегивали декоративными швами и отделяли серебряными бляхами либо монетами. Эта функцию безрукавки сменила функция магической защиты женщины от злых духов и «нехороших» взглядов.

Ряд терминов, которыми обозначалась безрукавка — тюрко-монгольского происхождения, но есть и заимствования, свидетельствующие о тесных контактах кочевников с тунгусо-маньчжурскими народами. У истоков этой одежды, вероятно, были два ее разных вида: длиннополая безрукавка относилась к верхней распашной одежде, другая, короткая, была нательной. Функция последней заключалась в том, чтобы стягивать и поддерживать женскую грудь.

Одеждой, предшествующей длиннополому варианту безрукавки, вероятно, была меховая накидка с широкими полами, которая в процессе развития изменила свой внешний вид. Основной ее функцией была защита от холода и атмосферных осадков. Об этом свидетельствует ряд терминов, которые сводятся к понятию «меховой жилет». Самый длинный вариант безрукавки — когда она была не ниже колена. Ключевой конструктивной особенностью были симметричные полы, разрезы по бокам и сзади. Полагаем, что этот вид одежды был широко распространен в разных регионах Азии, видоизменялся и вновь завоевывал прежние места своего распространения. В. Я. Чеснов предположил, что конструктивные детали этой верхней одежды, а именно боковые разрезы до талии, указывают на то, что безрукавка появилась вместе с наездничеством. Этот вид одежды зафиксирован, по мнению исследователей, в наскальных изображениях Минусинской котловины, оставленных в раннем железном веке вероятными предками хакасов (Чеснов, 1998: 223).

Меховая накидка преобразовалась в поясную одежду, ставшую наиболее востребованной у казахов, киргизов, узбеков. *Белдемчи* / *белдемше* имел вид распашной юбки на широком поясе, которую в прошлом носили и мужчины¹, судя по данным эпоса «Манас» (Лобачева, 2006: 69; Сухарева, 1979: 97). Полагаем, что подобная поясная одежда функционировала как часть воинского облачения в совокупности с верхним компонентом, напоминающим безрукавку, и только впоследствии вошла в состав обычной повседневной одежды. Данный вид поясной одежды Н. П. Лобачева считает частью костюма кипчаков, этнического образования, вошедшего в процессе этногенеза в состав нескольких народов Центральной Азии. Однако ареал распространения одежды, предшествующей *белдемчи*, был гораздо шире, а происхождение — более древним. Свидетельством этого является один важный ритуальный предмет бурятского женского костюмного комплекса. В свадебном обряде предбайкальских бурят ключевым ритуальным предметом, которому поклонялись жених и невеста была шуба матери жениха — наследие периода охотничьего быта бурят. Эта шуба, по описанию М. Н. Хангалова, была «скорее юбкой, сшитой из волчьих лап, так называемый бэлэбши; эту юбку в прежнее время носили женщины во время зэгэтэ-аба. Бэлэбши носили сверх шубы...» (Хангалов, 1958: 270). Безусловно, и *бэлэбши*, и *белдемчи* являются версиями одного и того же вида одежды, и сходство их названий неслучайно. К этой группе верхней одежды относится и якутский набедренник *бэлэпчи*, который носили и женщины, и мужчины (Петрова, 2006: 44–45). Название этот вид одежды получил от тюркского *бэл* — ‘поясница’. В костюме монгольских народов подобная поясная одежда не фиксируется. Есть только сведения, что у забайкальских бурят одежда, представлявшая два куска ровдуги или ткани, собранные на поясе, была известна под названием *хормойкши* (наподники), от *хормой* ‘подол’ (Бадмаева, 1987: 66).

Таким образом, ареал первоначального распространения этой поясной одежды становится очень широким. Предполагается, что эта одежда распространилась из территории, освоенной древней тюркоязычной общностью, — предками курыкан и енисейских кыргызов (Петрова, 2006: 45). Наличие этой детали костюма у якутов и предбайкальских бурят указывает пути миграции тюркских племен в древности. Впоследствии у большей части населения Внутренней Азии этот предмет вышел из употребления, сохранив ритуальную значимость (у бурят), в то время как у многих тюркских народов

¹ Наличие этого вида верхней одежды в мужском и женском костюмном комплексе в прошлом указывает его на архаичность (Сухарева, 1979: 79).

Центральной Азии он сохранился в женском костюме и считался ее важным элементом, маркируя статус замужней женщины и матери.

Длиннополая безрукавка с пришитыми полами, очевидно, появилась в женском костюме тюрко-монгольских народов Внутренней Азии позднее и представляет собой комбинацию короткой безрукавки и поясной одежды, которая стала более комфортной, сохранив основные черты и функции — не мешать верховой езде и сохранять тепло.

В процессе своего развития безрукавка была наделена особым символическим содержанием, став маркером нового социального положения женщины в замужестве, отделив ее от незамужних девушек и вдов. Безрукавка стала символом подчинения женщины семье мужа и его роду в целом.

Особый религиозно-мифологический подтекст, раскрывающий образы девушек как принадлежащих матери-Природе членов общества, способных изменить свой облик и исчезнуть, обосновал период запрета визуальных контактов с молодой невесткой со стороны мужчин-родственников мужа. Этот период охватывал обычно три дня, но нередко растягивался до рождения невесткой первенца. У якутов свекр не мог лицезреть невестку три года. Это период не случаен: это время перехода женщины из природного состояния в человеческое измерение. Полагаем, что такие детали женского костюмного комплекса, как безрукавка и головной убор, должны были обеспечить возможность видеть нового члена семьи мужу и его родственникам без каких-либо негативных последствий для невестки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон, С. М. (1971) Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука. 400 с.
- Абрамзон, С. М. (1977) Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. 200 с. С. 154–164.
- Алексеев, Н. А. (2004) (сост.) Якутские мифы. Новосибирск: Наука. 451 с.
- Асанканов, А. А., Брусина, О. И., Жапаров, А. З. (2016) Кыргызы. М. : Наука. 623 с.
- Бадамхатан, С. (2004) О свадебных обрядах урянхайцев // Эрдэм шинжилгээний бүтээлүүд [Собрание научных трудов]. II боть / отв. ред. Б. Бадма-Оюу. Улаанбаатар : Согоонуур. 278 с. С. 191–198.
- Бадмаева, Р. Д. (1987) Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 142 с.
- Бакаева, Э. П. (2008) Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста : Герел. 189 с.
- Балдаев, С. П. (1959) Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 179 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001): в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. III. 440 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2002): в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. IV. 506 с.
- Бравина, Р. И. (1996) Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). Якутск: Изд-во Якутского ун-та. 231 с.
- Бурнаков, В. А., Бурнаков, А. А. (2019) Реликты культа змеи у хакасов в конце XIX — середине XX века // Археология, этнография и антропология Евразии Т. 47. № 2. С. 117–125. DOI: <https://www.doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.122-130>
- Бурчина, Д. А. (2007) Героический эпос унгинских бурят. Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск : Наука. 544 с.
- Бурятско-русский словарь (1973) / сост. К. М. Черемисов. М. : Советская энциклопедия. 803 с.
- Бутанаев, В. Я. (1996) Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакасское книжное издательство. 222 с.
- Бутанаев, В. Я. (1999) Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия. 240 с.
- Бутанаев, В. Я. (2003) Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского госуниверситета. 260 с.
- Баярсайхан, Б. (2002) О некоторых лексических особенностях языка центральско-тувинцев Северо-западной Монголии // Ученые записки тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XIX / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл: Типография Госкомитета по печати и информации Республики Тыва. 328 с. С. 179–187
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во Восточной литературы. 217 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Васильев, Ф. Ф. (1995) Военное дело якутов. Якутск : Бичик. 221 с.
- Вяткина, К. В. (1960) Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник / отв. ред. О. Л. Вильчевский. М. ; Л.: Наука. 271 с. С. 159–269.

- Гаврильева, Р. С. (1998) Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск: Наука. 144 с.
- Галданова, Г. Р. (1992) Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука. 173 с.
- Дамбуева, П. П. (2013) Лексика традиционной бурятской одежды. Общемонгольский фонд и его пополнение // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков. Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию профессора В. И. Золхоева / отв. ред. М. В. Егодурова. Улан-Удэ : Изд-во БГУ. 244 с. С. 69–78.
- Дугаров, Д. С. (1983) Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Советская этнография. № 5. С. 104–113.
- Древнетюркский словарь (1969) / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука. 676 с.
- Дылыков, С. Д. (1981) Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / транслит. сводн. ойр. текста, реконструированный монг. текст и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М. : Наука, ГРВЛ. 148 с.
- Захарова, А. Е. (2004) Архаическая ритуально-обрядовая символика народа Саха. Новосибирск : Наука. 312 с.
- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет. 2-е изд. М. : Советский писатель. Т. 3–4. 344 с.
- Кочешков, Н. В. (1997) Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX в. СПб. : Наука. 176 с.
- Лобачева, Н. П. (2001) Особенности костюма Среднеазиатского-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. / отв. ред. В. И. Бушков. М. : Наука. 244 с. С. 69–97.
- Лобачева, Н. П. (2006) Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатского-Казахстанского региона (по материалам середины XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V / отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М. : Наука. 286 с. С. 47–95.
- Линховоин, Л. (2012) Лодон багшын дэбтэрхэ. Материалы на бурятском и русском языках. Улан-Удэ : Монгол-буриад ном. 384 с.
- Манжигеев, И. М. (1960) Янгутский бурятский род (Опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 232 с.
- Михайлова, Е. А. (2005) Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. 341 с. С. 12–120.
- Монгол Улсын угсаатны зүй (2012a) Улаанбаатар : Монсудар. I боть. Халхын угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). 536 с. (На монг. яз.)
- Монгол Улсын угсаатны зүй (2012b) Улаанбаатар : Монсудар. II боть. Ойрадын угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). 534 с. (На монг. яз.)
- Монгол Улсын угсаатны зүй (2012c). Улаанбаатар : Монсудар. III боть. Монгол, түрэг, хамниган овогтны угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). 448 с. (На монг. яз.)
- Наранбат, У. (1992) Свадебный обряд уратов Внутренней Монголии // Традиционная обрядность монгольских народов / отв. ред. К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука. 157 с. С. 56–71.
- Николаева, Д. А., Дагданова, М. Б. (2006) Традиционный женский костюм и украшения бурят // В мире традиционной культуры бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 228 с. С. 176–228.
- Очирова, Г. Н. (1986) Свадебный обряд сартулов Монголии и Бурятии // Традиционная культура народов Центральной Азии / отв. ред. К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука. 176 с. С. 159–176.
- Петрова, С. И. (2006) Свадебный наряд якутов. Традиции и реконструкция. Новосибирск : Наука. 104 с.
- Попов, А. А. (1949) Материалы по истории религии якутов бывшего Вилкойского округа // Сборник музея археологии и этнографии. Т. IX / отв. ред. С. П. Толстов М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 257–323.
- Потапов, Л. П. (1951) Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 13. С. 5–59.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.
- Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.
- Сат-Бриль, Л. Ш. (1988) Традиционная одежда тувинцев // Культура тувинцев: традиции и современность / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 152 с. С. 41–50.
- Севортян, Э. В. (1974) Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука. 767 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (1997) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 800 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (2006) / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука. 908 с.

Сухарева, О. А. (1979) Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии / отв. ред. О. А. Сухарева. М. : Наука. 237 с. С. 77–103.

Тошчакова, Е. М. (1958) Алтайская женщина в дореволюционном прошлом // Ученые записки. Вып. 2. Горно-Алтайск : Горно-Алтайск. кн. изд-во. С. 108–141.

Тугутов, И. Е. (1958) Материальная культура бурят. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 214 с.

Тюркские народы Сибири (2006) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М. : Наука. 678 с.

Фиельструп, Ф. А. (2002) Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука. 298 с.

Федорова, Е. Г. (2005) Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) // Украшения народов Сибири / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. 341 с. С. 120–170.

Хамарханов, А. З. (1988) О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов / отв. ред. Д. Д. Нимаев. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР. 161 с. С. 128–143.

Хангалов, М. Н. (1958) Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. Т. I. 550 с.

Хангалов, М. Н. (1959) Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. Т. II. 443 с.

Хангалов, М. Н. (1960) Собрание сочинений: в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. Т. III. 420 с.

Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука ; НГОПО Союза писателей России. 336 с.

Чеснов, В. Я. (1998) Лекции по исторической этнологии : учебное пособие. М. : Гардарика. 400 с.

Этимологический словарь монгольских языков (2018): в 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М. : ИВ РАН. Т. III. 240 с.

Юдахин, К. К. (1965a) Киргизско-русский словарь : в 2 кн. М. : Советская энциклопедия. Кн. 1. 503 с.

Юдахин, К. К. (1965b) Киргизско-русский словарь : в 2 кн. М. : Советская энциклопедия. Кн. 2. 474 с.

Lessing, F. D. (1960) (Ed.) Mongolian–English dictionary. Comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, F. D. Lessing. Berkeley and Los Angeles : University of California Press. 1086 p.

Poppe, N. (1955) Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seuran. 300 p.

Дата поступления: 20.10.2020 г.

REFERENCES

Abramzon, S. M. (1971) *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kirghiz people and their ethnogenetic and historical-cultural connections]*. Leningrad, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Abramzon, S. M. (1977) Fol'klornye motivy v kirgizskikh predaniikh genealogicheskogo tsikla [Folklore motifs in the Kyrgyz legends of the genealogical cycle]. In: *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obriadami [Folklore and ethnography. Connections between folklore with ancient representations and rites]* / ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka. 200 p. Pp. 154–164. (In Russ.).

Alekseev, N. A. (2004) (comp.) *Yakutskie mify [Yakut myths]*. Novosibirsk, Nauka. 451 p. (In Russ.).

Asankanov, A. A., Brusina O. I. and Zhaparov A. Z. (2016) *Kyrgyzy [The Kyrgyz people]*. Moscow, Nauka. 623 p. (In Russ.).

Badamkhatan, S. (2004) O svadebnykh obriadakh uriankhaitsev [On wedding ceremonies of Uriankhai people]. In: *Er-dem shinzhilgeenii büteeliüüd [A collection of scientific papers]*. II bot' / ed. by B. Badma-Oiuu Ulaanbaatar, Sogoonuur. 278 p. Pp. 191–198. (In Russ.).

Badmaeva, R. D. (1987) *Buriatskii narodnyi kostium [Buryat folk costume]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 142 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2008) *Odezhdа v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika [Clothing in the Kalmyk culture: traditions and symbols]*. Elista, Gerel. 189 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1959) *Buriatskie svadebnye obriady [Buryat wedding rites]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 179 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian dictionary] (2002): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.)

Bravina, R. I. (1996) *Pogrebal'nyi obriad iakutov (XVII–XIX vv.) [Funeral rite of the Yakuts: 17th – 19th centuries.]*. Yakutsk, Izd-vo Yakutskogo un-ta. 231 p. (In Russ.).

Burnakov, V. A. and Burnakov, A. A. (2019) Relikty kul'ta zmei u khakasov v kontse XIX — seredine XX veka [Relics of the snake cult among the Khakass from the end of 19th to mid-20th century]. *Archaeology, ethnology & anthropology of Eurasia*, vol. 47, no. 2, pp. 117–125. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.122-130>

Burchina, D. A. (2007) *Geroicheskiĭ epos unĭinskiĭkh buriat. Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov* [The heroic epic of the Ungyn Buryats: Index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka. 544 p. (In Russ.).

Buriatsko-russkii slovar' [A Buryat-Russian dictionary] (1973) / comp. by K. M. Cheremisov. Moscow, Sov. entsiklopediia. 803 p. (In Russ.).

Butanaev, V. Ya. (1996) *Traditsionnaia kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of the Khakass]. Abakan, Khakass book publishing house. 222 p. (In Russ.).

Butanaev, V. Ya. (1999) *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskiĭ slovar'* [A Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, Khakassia. 240 p. (In Russ.).

Baiarsaikhan, B. (2002) O nekotorykh leksicheskikh osobennostiakh iazyka tsengel'skikh tuvintsev Severo-zapadnoi Mongolii [On some lexical features of the language of the Tseleng Tuvans of North-Western Mongolia]. *Uchenye zapiski tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovanii*, Vol. XIX / ed. by V. D. Mart-ool. Kyzyl, Printing house of the state Committee for press and information of the Republic of Tuva. 328 p. Pp. 179–187. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The world of nomads of the center of Asia]. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Vasil'ev, F. F. (1995) *Voennoe delo iakutov* [Military art among the Yakuts]. Yakutsk, Bichik. 221 p. (In Russ.).

Viatkina, K. V. (1960) Mongoly Mongol'skoi Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of the Mongolian People's Republic: Materials of the historical and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences and the Committee of Sciences of the MPR 1948–1949]. In: *Vostochno-Aziatskii etnograficheskiĭ sbornik* [East Asian ethnographic collection] / ed. by O. L. Vil'chevskii. Moscow, Leningrad, Nauka. 271 p. Pp. 159–269. (In Russ.).

Gavril'eva, R. S. (1998) *Odezhda naroda sakha kontsa XVII — serediny XVIII veka* [Clothing of the Sakha people from the late 17th — mid-18th century]. Novosibirsk, Nauka. 144 p. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1992) *Zakamenskii buriaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraia polovina XIX — pervaiia polovina XX v.)* [Zakamensk Buryats: Historical and ethnographic essays (2nd half of the 19th — 1st half of the 20th century)]. Novosibirsk, Nauka. 173 p. (In Russ.).

Dambueva, P. P. (2013) Leksika traditsionnoi buriatskoi odezhdy. Obshchemongol'skii fond i ego popolnenie [Vocabulary of traditional Buryat clothing. Common Mongolian base and its replenishment]. In: *Aktual'nye problemy sinkhronii i diakhronii raznostrukturykh iazykov* [Urgent issues of synchrony and diachrony of differently structured languages]. Proceedings of all-Russian scientific conference devoted to 85th anniversary of Professor V. I. Zoloeva / ed. by M. V. Egodurova. Ulan-Ude, BGU Publ. 244 p. Pp. 69–78. (In Russ.).

Dugarov, D. S. (1983) Lebed' v ornamente zhenskogo kostiama tiurko-mongol'skikh narodov [The swan in the female costume ornament of the Turkic-Mongolian peoples]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 104–113. (In Russ.).

Drevnetiurkskii slovar' [A dictionary of Old Turkic] (1969) / ed. by V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.).

Dylykov, S. D. (1981) *Ikh tsaaz. Pamiatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. Oiratskii tekst* [“the Great code”: in the monument of Mongolian feudal law of the XVII century. The Oirat text] / transl. by S. D. Dylykov. Moscow, Nauka, GRVL. 148 p. (In Russ.).

Zakharova, A. E. (2004) *Arkhaicheskaia ritual'no-obriadovaia simbolika naroda Sakha* [Archaic ritual and ritual symbolism of the Sakha people]. Novosibirsk, Nauka. 312 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (1936) *Za piat' desiat let* [In fifty years]. 2nd ed. Vol. 3–4. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ. 344 p. (In Russ.).

Kocheshkov, N. V. (1997) *Tiurko-mongoly i tunguso-man'chzhury. Problemy istoriko-kul'turnykh sviazei na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva XIX–XX v.* [Turko-Mongols and Tungus-Manchus. Problems of historical and cultural connections and decorative folk art of the 19th — early 20th century]. St. Petersburg, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Lobacheva, N. P. (2001) Osobennosti kostiama Sredneaziatskogo-Kazahstanskogo regiona [Features of the costume of the Central Asia-Kazakhstan region]. In: *Sredneaziatskii etnograficheskiĭ sbornik* [Central Asian ethnographic collection]. Vol. IV. / ed. by V. I. Bushkov. Moscow, Nauka. 244 p. Pp. 69–97. (In Russ.).

Lobacheva, N. P. (2006) Otrazhenie etnogeneticheskoi istorii v material'noi i dukhovnoi kul'ture narodov Sredneaziatskogo-Kazahstanskogo regiona (po materialam serediny XX veka) [Reflection of ethnogenetic history in the material and spiritual culture of the peoples of the Central Asia-Kazakhstan region: from the mid-20th century materials]. In: *Sredneaziatskii etnograficheskiĭ sbornik* [Central Asian ethnographic collection]. Vol. V / ed. by S. N. Abashin and V. I. Bushkov. Moscow, Nauka. 286 p. Pp. 47–95. (In Russ.).

Linkhovoin, L. (2012) *Lodon bagshyn debterhe. Materialy na buriatskom i ruskom iazykakh* [Lodon basin debtera. Materials in Buryat and Russian languages]. Ulan-Ude, Mongol-buriad nom. 384 p. (In Russ.).

Manzhigeev, I. M. (1960) *Iangutskii buriatskii rod (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia) [Yanguty Buryat families: a historical and ethnographic study]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 232 p. (In Russ.).

Mikhailova, E. A. (2005) S'emnye ukrasheniia narodov Sibiri [Removable ornaments among the peoples of Siberia]. In: *Ukrasheniia narodov Sibiri [Ornaments of the peoples of Siberia]* / ed. by L. R. Pavlinskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 341 p. Pp. 12–120. (In Russ.).

Mongol Ulsyn ugsaatny ziii [Ethnography Of Mongolia] (2012a) Ulaanbaatar : Monsudar. Vol. 1. Khalkhyn ugsaatny ziii (XIX–XX zuuny zaag ue) [Ethnography of Khalkha (19th-20th centuries)]. 536 p. (In Mong.)

Mongol Ulsyn ugsaatny ziii [Ethnography Of Mongolia] (2012b) Ulaanbaatar : Monsudar. Vol. 2. Oiradyn ugsaatny ziii (XIX–XX zuuny zaag ue) [Ethnography of the Oirats (19th-20th centuries)]. 534 p. (In Mong.)

Mongol Ulsyn ugsaatny ziii [Ethnography Of Mongolia] (2012c) Ulaanbaatar : Monsudar. Vol. 3. Mongol, türeg, khamnigan ovogtny ugsaatny ziii (XIX–XX zuuny zaag ue) [Ethnography of the Mongolian, Turkic and hungaski groups (19th-20th centuries)]. 448 p. (In Mong.)

Naranbat, U. (1992) Svadebnyi obriad uratov Vnutrennei Mongolii [Wedding ceremony of the urats of Inner Mongolia]. In: *Traditsionnaia obriadnost' mongol'skikh narodov [The traditional rites of the Mongol peoples]* / ed. by K. M. Gerasimova. Novosibirsk, Nauka. 157 p. Pp. 56–71. (In Russ.).

Nikolaeva, D. A. and Dagdanova M. B. (2006) Traditsionnyi zhenskii kostium i ukrasheniia buriat [Traditional Buryat women's costume and jewelry]. In: *V mire traditsionnoi kul'tury buriat [In the world of traditional culture of the Buryats]* / ed. by T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN. 228 p. Pp. 176–228. (In Russ.).

Ochirova, G. N. (1986) Svadebnyi obriad sartulov Mongolii i Buriatii [Wedding ceremony of sartuls of Mongolia and Buryatia]. In: *Traditsionnaia kul'tura narodov Tsentral'noi Azii [Traditional culture of the peoples of Central Asia]* / ed. by K. M. Gerasimova. Novosibirsk, Nauka. 176 p. Pp. 159–176. (In Russ.).

Petrova, S. I. (2006) *Svadebnyi nariad iakutov. Traditsii i rekonstruktsiia [Wedding dress of the Yakuts. Traditions and reconstruction]*. Novosibirsk, Nauka. 104 p. (In Russ.).

Popov, A. A. (1949) Materialy po istorii religii iakutov byvshego Viliuiskogo okruga [Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilyuysky okrug]. In: *Sbornik muzeia arkheologii i etnografii [Collection of articles by the Museum of Archaeology and Ethnography]*. Vol. IX / ed. by S. P. Tolstov Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. Pp. 257–323. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1951) Odezhda altaitsev [The attire of the Altai people]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 13, pp. 5–59. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The process of national consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Sat-Bril', L. Sh. (1988) Traditsionnaia odezhda tuvintsev [Tuvan traditional attire]. In: *Kul'tura tuvintsev: traditsii i sovremennost' [Culture of Tuvans: traditions and modernity]* / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tipografiia Goskomizdata Tuvinskoii ASSR. 152 p. Pp. 41–50. (In Russ.).

Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar': Obshcheturkskie i mezhturkskie osnovy na glasnye [An etymological dictionary: common Turkic and inter-Turkic vowel bases]*. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (1997) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.).

Sukhareva, O. A. (1979) Opyt analiza pokroev traditsionnoi «tunikoobraznoi» sredneaziatskoi odezhdy v plane istorii i evoliutsii [A study of the cut of traditional “tunic-like” Central Asian clothing in terms of history and evolution]. In: *Kostium narodov Srednei Azii [Costume of the peoples of Central Asia]* / ed. by O. A. Sukhareva. Moscow, Nauka. 237 p. Pp. 77–103. (In Russ.).

Toshchakova, E. M. (1958) Altaiskaia zhenshchina v dorevoliutsionnom proshlom [Altai woman in the pre-revolutionary past]. In: *Uchenye zapiski*. Vol. 2. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk. kn. izd-vo. Pp. 108–141. (In Russ.).

Tugutov, I. E. (1958) *Material'naia kul'tura buriat [Material culture of the Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 214 p. (In Russ.).

Tiurkskie narody Sibiri [Turkic peoples of Siberia] (2006) / ed. by D. A. Funk and N. A. Tomilov. Moscow, Nauka. 678 p. (In Russ.).

Fiel'strup, F. A. (2002) *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka [From the ritual life of the Kyrgyz of the early twentieth century]*. Moscow, Nauka. 298 p. (In Russ.).

Fedorova, E. G. (2005) Ukrasheniia verkhnei plechevoi odezhdy narodov Sibiri (narody Priamur'ia, Primor'ia, Sakhalina, dolgany, iakuty, narody Iuzhnoi Sibiri) [Ornaments of the upper shoulder clothing of the peoples of Siberia: the Amur region, Primorye, Sakhalin, Dolgans, Yakuts, peoples of southern Siberia]. In: *Ukrasheniia narodov Sibiri [Ornaments of the peoples of Siberia]* / ed. by L. R. Pavlinskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 341 p. Pp. 120–170. (In Russ.).

Khamarkhanov, A. Z. (1988) O kul'ture i byte mongol'skikh narodov v trude N. Vitsena «Severnaia i Vostochnaia Tartariia» [On the culture and life of the Mongolian peoples in N. Witsen's “Northern and Eastern Tartary”]. In: *Kul'turno-*

bytovye traditsii buriat i mongolov [Cultural and everyday traditions of the Buryats and Mongols] / ed. by D. D. Nimaev. Ulan-Ude, BF SO AN SSSR. 161 p. Pp. 128–143. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1958) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. Vol. I. 550 p. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1959) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. Vol. II. 443 p. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1960) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. Vol. III. 420 p. (In Russ.).

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvinskaia traditsionnaia odezhda [Tuvan traditional clothing]*. Novosibirsk, Nauka, NGOPO Soiuza pisatelei Rossii. 336 p. (In Russ.).

Chesnov, V. Ya. (1998) *Lektsii po istoricheskoi etnologii [Lectures in historical ethnology]* : a textbook. Moscow, Gardarika. 400 p. (In Russ.).

Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages] (2018): in 3 vols. / ed. by G. D. Sanzheev, ed. and comp. by L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin and Ya. D. Leman. Moscow, IV RAN. Vol. III. 240 p. (In Russ.).

Yudakhin, K. K. (1965a) *Kirgizsko-russkii slovar' [A Kyrgyz-Russian dictionary]* : in 2 books. Moscow, Sov. entsiklopediia. Book 1. 503 p. (In Russ.).

Yudakhin, K. K. (1965b) *Kirgizsko-russkii slovar' [A Kyrgyz-Russian dictionary]* : in 2 books. Moscow, Sov. entsiklopediia. Book 2. 474 p. (In Russ.).

Lessing, F. D. (1960) (Ed.) *Mongolian–English dictionary*. Comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing. Berkeley, Los Angeles, University of California Press. 1086 p.

Poppe, N. (1955) *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki, Suomalais-Ugrilaisen Seuran. 300 p.

Submission date: 20.10.2020.